

АЛЕКСАНДР "КОТОБУС" ГОРБОВ

КНИГА ПЯТНИЧНЫХ
РАССКАЗЯВОК
СИНИЙ ТОМ

Александр «Котобус» Горбов

Книга пятничных рассказывок. Синий том

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Где купить метлолёт последней модели? Успеет ли на поезд вокзальный домовый? Кто отправляет солнце на экспорт? Почему русские – люди фронта? Помогают ли тараканы с активной жизненной позицией своим хозяевам? Об этом и о других смешных и забавных вещах здесь. Истории для хорошего настроения. Книга используется для лечения уныния и грусти. Осторожно – соблюдайте дозировку!

Содержание

Фонарная звезда	5
Министерство	8
Гороскоп от Дядюшки Котобуса	14
Рязань глазами вурдалака	17
К слову, о шопинге	19
Страшная сказка	22
Солнце на экспорт	28
Ноги	31
Цирк на обочине	36
Счастье почтой. Срок доставки до трех дней	38
Русский фронтирище	40
Ёлочка	44
Постновогодняя рассказывка	50
Смысл жизни маленького головастика	53
Топот толстых привидений	55
Коробка желаний	58
Глупости в горошек	60
Метлолёт 17/23	62
Вокзальный домовой	66
Коттабыч	71
Колодезь	73
Мама на час	85
Соглашение	88

Тайный коллайдер	92
Танцы	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр «Котобус» Горбов Книга пятничных рассказявок. Синий том

Фонарная звезда

Вечером, когда на улице стемнело, а на веранде зажгли уютный торшер с оранжевым абажуром, Васька замер подле открытого окна. Долго вглядывался в темное небо, хмурился и поджимал губы. Не отводя взгляд от зенита, спросил:

– А куда деваются падающие звезды?

Пашка оторвался от книги и посмотрел на младшего брата.

– Сгорают в атмосфере, по большей части. Некоторые падают на землю, их находят и сдают в музей. Метеориты, слышал?

Васька недовольно засопел.

– Это неправильно.

– Почему?

– Слишком по-взрослому. Никакого волшебства.

Захлопнув книгу, Пашка хмыкнул.

– И как, по-твоему, должно быть?

Ни на мгновение не задумываясь, Васька ответил:

– Они должны превращаться в фонари. Хотя бы некоторые. Чтобы освещать путь идущим домой в темноте.

Пашка подошел и обнял брата.

– Не волнуйся. Они скоро приедут.

– А если заблудятся?

– Глупости! Родители знают дорогу от станции как свои пять пальцев. Идём спать, уже поздно.

Они поднялись в свою комнату на втором этаже дачи. Пашка долго ворочался, сопел и скрипел кроватью. Дождавшись, пока дыхание брата станет ровным, Васька скинул одеяло, нашарил ногами тапочки, тихо-тихо прокрался к двери. Как мышка проскользнул по лестнице и снова прилип к окну.

В далекой темноте мохнатой шубой стоял темный лес. Звездная сияющая крошка, рассыпанная по небу, не давала света, сияя сама себе.

– Только бы они дошли, только бы они дошли, – шептал Васька.

Он загадал самому себе, что если не уснет, то родители обязательно найдут дорогу в темноте. Обязательно!

С высокого небосвода огненным росчерком сорвалась звезда. Пламенной стрелой рассекла темноту и рухнула за верхушками деревьев.

Васька потерял глаза. Всматриваться становилось всё тяже-

лее. Веки наливались тяжестью, ноги покалывали крохотные иголки.

«Я только минуточку, посижу в кресле, отдохну и снова буду смотреть».

Мальчик забрался в любимое кресло отца с ногами.

«Почему они не приходят? Что там случилось?»

Ждать было невообразимо трудно. Васька закрыл глаза, вспоминая вспышку упавшей звезды. Вот бы и правда звезды превращались в фонари. Нет, он, конечно, уже взрослый и не верит в глупости, но иногда так хочется верить в чудо.

Вернувшиеся родители нашли Ваську свернувшимся в клубочек и тихо спящим в кресле. Мать погладила его по голове, а отец легко поднял и отнес в постель.

Дом затих. Родители тоже легли спать. Уже засыпая, мать улыбнулась и шепнула мужу:

– А здорово, что там фонарь поставили. Могли бы не туда свернуть, я совершенно забыла про этот поворот.

Отец что-то пробурчал, и на всей даче наступила тишина.

И никто не видел, что фонарь на перекрестке около дуба вспыхнул ослепительным светом. Сжался в сияющую точку и голубой кометой устремился в небо.

Министерство

Закрытое совещание президента с правительством началось необычно. По правую руку от главы государства сел никому не знакомый лысый толстяк. Пока шло собрание, он глупо улыбался и хлопал глазами, то и дело смотрел в телефон и что-то черкал в толстом блокноте. Министр финансов скосил взгляд: на листочках в клеточку толстяк рисовал то цветочки, то котят, то голых женщин. Очень реалистично рисовал, должны мы заметить.

– А теперь, – президент обвел министров тяжелым взглядом, – я хочу объявить о создании нового министерства.

Государственные мужи переглянулись. Обычно такие внезапные преобразования ничего хорошего им не обещали. Впереди были переделы сфер влияния и бюджетных потоков.

– Я подписал указ о создании Министерства Херни.

Министр образования закашлялся.

– Что, простите? – просипел глава природных ресурсов.

– Если плохо слышите, у вас рядом врач сидит, пусть посмотрит после заседания, – президент был явно раздражен, – еще раз, для глухих: Министерство Херни. А вот руководитель нового ведомства.

Толстяк поднялся, коротко поклонился, отсвечивая лысиной, и тонким голосом заявил, что он рад и готов взяться

за такой сложный участок работы и надеется на сотрудничество коллег.

Министры переглядывались с недоумением, в глубине души подозревая президента в помешательстве.

– А чем будет заниматься ваше ведомство? – отозвался министр обороны.

– Как чем? – толстяк хихикнул, – херней, конечно. У нас в стране её много, должен же хоть кто-то делать это профессионально.

После совещания свежее испеченный чиновник ушел вместе с президентом. А министры в кулуарах обсудили неожиданное назначение.

– Чудит Папа, – качал головой министр сельского хозяйства, – дай бог, чтобы спокойно последний срок досидел.

Коллективно решили, что синекуру для лысого можно было подобрать и не такую кричащую. Один только министр иностранных дел, умница и философ, дипломатично улыбался уголками губ. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что улыбка выходила печальной.

Следующую пару месяцев лысого толстяка никто не видел. Поговаривали, что новое министерство отхватило особняк в центре Москвы и активно там обживалось. Ходили слухи о закупках какой-то безумной мебели, игровых пристав-

ках, секретаршах, нанятых в модельных агентствах. Каждая следующая сплетня была безумнее предыдущей, но верили в них всё сильнее.

– Вот уж действительно работка – хернёй маяться, – хмурил брови министр МЧС, но в голосе сквозила легкая зависть.

В конце августа толстяк появился на очередном совещании правительства. Так же глупо лыбился и близоруко щурился. Всю встречу молча рисовал в блокноте и в дела серьезных людей не вмешивался.

– Пожалуй, на этом можно закончить. Ни у кого больше нет замечаний?

Премьер закрыл папку и собирался встать, когда его прервал толстяк.

– У меня есть.

– Прошу вас, – премьер усмехнулся, – неужели наблюдается недостаток херни?

– Скорее наоборот, – толстяк уставился немигающим рыбьим взглядом на министра связи и массовых коммуникаций, – что за херню вы творите?

– Что, простите?

– Устроили цирк с этим мессенджером. Как его там, Телеграф? Не можете заблокировать – не беритесь. Не надо выставлять правительство идиотами.

– Нет уж, позвольте...

– Не позволю! Мы проанализировали затраты вашего министерства: как минимум треть вашего бюджета уходит на херню. Завтра мы начинаем аудит вашего ведомства с соответствующими выводами и мерами по оптимизации. Прошу ФСБ оказать силовую поддержку, во избежание эксцессов.

– Вы не имеете полномочий! – сорвался на визг министр.

– Имеет, – мрачно буркнул премьер.

Остальные министры застыли статуями. И только глава дипломатов всё так же печально улыбался.

Перетряхнув связь, толстяк принялся за образование. Затем за сельское хозяйство. Потом за космическую отрасль... Всюду улыбчивые люди в костюмах находили утечки бюджета, вбивали в грязь целые департаменты, занимающиеся непонятно чем, растаптывали людей на теплых должностях. Шестеренки государства чистились, смазывались и вращались быстрее. Самые умные начинали чистить свои вотчины до того, как толстяк ткнёт в них пальцем и спросит о своей херне. Заметим, что шутки о лысом любителе красивых секретарш быстро сошли на нет.

На очередном совещании правительства министр финансов искоса поглядывал на толстяка. Споря сам с собой, кого сегодня будет потрошить лысый маньяк. И вдруг понял: никакая у него не глупая улыбка. Это и не улыбка вовсе, это кривой оскал акулы, выбирающей жертвы. Сейчас еще по-

плавает кругами, наведет жути и ухватит за афедрон очередного чиновника, жирненького и вкусного. От такого прозрения министру стало не по себе.

Большой Хэ, как называли его подчиненные, возвращался с очередного заседания в правительстве. Устало откинувшись на кожаном сиденье бронированного лимузина, толстяк вздыхал и тёр покрасневшие веки. Еще один день самой тяжелой из выпавшей ему работы подходил к концу. О боже, зачем он придумал это чертово министерство?

Сказанное в шутку в одном из кабинетов на Лубянке, слово обернулось сначала долгой аналитической работой, странными исследованиями на стыке магии, шаманизма, лингвистического анализа и серьезными социологическими выкладками. А затем докладом на самый верх. В самом высоком кабинете прозвучало – «херня», в философском смысле, подчиняется закону сохранения. И для того чтобы уменьшить её на просторах страны, надо сконцентрировать в одном месте. «А не долбанет?», – хмуро пошутил директор ФСБ, нервно барабанив пальцами по столу. «А попробуйте, хуже точно не будет», – усмехнулся президент. Отдуваться пришлось изобретателю. Что самое страшное – идея сработала.

Машина въехала в гараж главного здания ведомства. Толстяк покинул уютное кресло и тяжело потопал в сердце министерства. Там, в большом зале, творилось невообрази-

мое. Взрослые, солидные люди в костюмах, занимались полным безумием. Один штамповал как заведенный куличики в импровизированной песочнице. Другой жонглировал сразу пятью шариками. Третий удил рыбу в эмалированной ванне. Кто-то пел матерные частушки. Кто-то изображал сеанс стриптиза с помощью швабры. Группа женщин в вечерних платьях, рассевшись на корточках в кружок, играли в дурака на щелбаны... Все делали то, что и должно министерство – занимались невообразимой, чистой, как слеза младенца, херней.

Министр вздохнул в последний раз, снял туфли и нацепил глупые розовые сланцы. Подхватил ведро, полное конфетти, расхохотался и понесся среди сотрудников, щедро рассыпая цветные кружочки. Чудесным образом увеличивая степень херни около себя и равномерно убавляя на территории от Калининграда до Владивостока.

(Справка: херня – происходит от выражения «страдать хернёй», от лат. *hernia* «грыжа». Этот диагноз в XIX веке часто ставили богатым мещанским детям, желающим уйти от военной службы.)

Гороскоп от Дядюшки Котобуса

Весы

Выбрасывай свои напольные весы нафиг. Ты красивая, умная, замечательная! Количество твоих килограммов ни на что не влияет, так что и смотреть их не надо.

Стрелец

Купи игрушечный пистолет. Каждый раз, когда тебя кто-нибудь бесит, доставай его резким движением. Смотри на собеседника через прицел и проси повторить последнюю фразу.

Водолей

Поставь счётчики на воду. И срочно возьми путёвку на курорт. Тебе надо бунгало, вид на океан, коктейли, а не вот это вот всё.

Рыбы

Срочно иди в гости к Водолею. Пусть возьмёт тебя с собой в путешествие.

Овен

Ни в коем случае не считай баранов, когда засыпаешь. Очень, очень плохая примета.

Лев

Побалуй себя стейком. Степень прожарки medium rare. Запивай красным вином. На официанта можно рычать.

Козерог

Проходим мимо, мужчина. Всё равно в гороскоп не веришь, только мозги канифолишь будешь: а зачем, а почему, а какая точность прогноза... Следующий!

Скорпион

Ванна, свечи, лепестки роз, шампанское, романтические баллады группы Scorpions – всё что надо для хорошего вечера.

Рак

Учишься громко свистеть, покупаешь ружьё, роешь бункер и забиваешь его консервами. Затем громко свистишь с горы и наблюдаешь за апокалипсисом. Ну или шоколадку можно купить к чаю.

Телец

Псс! Парень, слышь, чего скажу. Берёшь шампанское и едешь к Скорпиону. У неё сейчас очень романтическое настроение.

Близнецы

Самый лучший знак – сам себе лучший друг и товарищ.
Будешь брать шоколадку – покупай сразу две.

Дева

Девушка, я точно знаю, чем вы будете заняты сегодня вечером. Собирайтесь, я заеду за вами через час.

Рязань глазами вурдалака

Хорошо быть вампиром в Трансильвании. Родовой замок, пышные селянки, природа шикарная. Летай себе нетопырем, радуйся. В Париже вампиру очень хорошо. Гуляй себе по Елисейским полям, кусай красавиц в Булонском лесу. На Монмартре тёмными вечерами можно посидеть в тихом ресторанчике или заглянуть в «Мулен Руж». Красота! Изображай художника или таинственного графа. Любовь, декаданс, куртизанки, богема. Чем не жизнь? В Лондоне тоже неплохо. Улицы, туман, таинственные тени. Особняк можно снять, гроб с позументами в подвале поставить. И обязательно горбун-помощник, с кривой ухмылкой Джека-потрошителя. Да... Еще в Нью-Йорке можно обитать. Собственный ночной клуб, согласные на всё модельного вида девицы с длинными ногами. Перекусать мафию и стать главой собственного клана. Вот где жизнь!

– Куда намылился?

Жена грубо прервала мечтания вурдалака Аристарха Петровича.

– В гараж. Масло надо в машине поменять.

– Ах ты вурдалак проклятый! Всю кровь ты мне со своим гаражом выпил. Опять квасить со своими дружками будешь?

Аристарх Петрович тяжело вздохнул и потупился. Жизнь вурдалака в Рязани была невыносима. Каждый день страдая

от несовершенства своего бытия, он так и не собрался духом эмигрировать. Только в мечтах примеряя на себя другие страны и города.

– Иди уже, – смиростивилась жена, – что с тобой делать. Хлеба на обратной дороге купи. И масла, подсолнечного.

Вурдалак кивнул и вышел в тёплый вечер летней Рязани. Родной и незаменимой.

К слову, о шопинге

Что ни говори, а во всех этих бутиках, магазинах, торговых центрах нет душевности. Да, красиво, светло, музыка фоном играет, тепло по зиме опять же. Но того самого чудного духа нет, закончился. Бродишь среди этих бесконечных витрин, смотришь, удивляешься – а для чего вон та блестящая ерунда нужна? Мальчик-консультант подскочит: «Вам помочь?» Дорогой ты мой! Кто вас научил этой пошлой фразе? Мне только деньгами помочь можно. Сможешь? Вот то-то же. А я около витрины с кофеварками стою, от разнообразия глаза разбегаются. Подойди, ткни пальцем, скажи «вот эту бери, сто лет прослужит, а ту не бери, Китай». Только уверенно, со знанием дела, покажи, что разбираешься, а не первый раз видишь эти адские машины. Не можешь? Ну извини, в следующий раз. А одежда? Вот пришел я джинсы купить. А какие? Хорошо ли сидят? Кто подскажет? Может, брюки лучше, тёплые такие, с начесом? Кто из этих девочек-продавцов подскажет?

Вот я и говорю – нет душевности. А на рынке она была. Ухватит за рукав необъятная торговка: «Зайдите мужчина, у меня на вас отличные джинсы есть». Ты вроде как и не хотел, а зашёл. Такой чуть-чуть гордый, что тебя в твои двадцать мужчиной назвали. Мёрзнешь на картонке, в дырку на правом носке ветер задувает. А тебе ещё одну пару мерить

предлагают. Да так, что не откажешься. И снова за занавесочкой в цветочек натягиваешь на себя что-то. Вроде подошли одни, а тётка: «Снимайте, они на жопе висят, сейчас со склада другие принесу». Ах ты ж, моя заботливая! Стоишь, ждёшь, мёрзнешь. В ряду напротив девушка за точно такой же занавесочкой тоже джинсы меряет. Оп, мелькнуло обнажённое бедро, когда ветер ткань дёрнул! И уже не холодно ждать. Мучаешься – только бы джинсы быстро не принесли, может, ещё её увидишь. Или лучше, чтобы быстрее, а то она сейчас закончит, уйдет, а ты вроде познакомиться решил. Казалось бы – простая покупка, а почти целое приключение! (И джинсы, и свитер, и носки теплые вместо своих дырчатых тогда купил. С девушкой так и не познакомился, она с мамой была.)

А продукты? Зашел в супермаркет, смотришь на груды овощей, тыкаешь их пальцем. Брать или не брать? Сладкие яблоки или опять безвкусные? А картошка, для варки хороша или пожарить? У кого спросить? Нет, лучше уж на базар. И расскажут, и покажут, и попробовать дадут. Рецепт новый узнаешь, о политике поговоришь. Однажды со старым армянином даже Бабеля обсуждали. (Сливы, кстати, он божественные мне продал.)

И поторговаться обязательно! Даже если не нужны тебе эти пять рублей – всё равно выторговать. Как спортивное достижение. Сразу настроение улучшается, чувствуешь себя купцом первой гильдии. А вы говорите – «Пятёрочка» возле

дома, торговый центр недалеко, шопинг, скидки сезонные. Тьфу! Что вы понимаете в хорошем шопинге, когда важнее пообщаться, а не закупить ненужного хлама? Так и живёте – бирюки с барахлом, лезете на стенку от одиночества, таблетки от депрессии глотаете. На рынок, немочь ты бледная! Да в мясной ряд, за куском говядины для борща. И не забудь спросить рецепт – из предложенных вариантов кулинарную книгу сделать можно. А потом в колбасный ряд и попробовать тридцать сортов сала, сорок колбасы, двадцать копчёностей. Выходишь сытый, в сумке что-то тяжелое, на душе благодать.

Любую меланхолию такой шопинг лечит. Потому что душевность есть. Настоящая. А не искусственная, с приклеенными улыбками, скидочной картой и бесплатным пакетиком.

Страшная сказка

– Что-то ты мне не нравишься.

Мать пристально окинула дочь взглядом.

– Дай-ка лоб пощупаю.

– Ну, мам!

Не слушая возражений, мать притянула к себе девушку и приложила губами ко лбу. Взяла в ладони лицо дочери и заглянула в глаза. Голубая радужка была прочерчена жёлтыми прожилками, зрачки большие, словно от настойки белладонны, казались тёмными дырами, а белки оплели красные корни вздувшихся сосудов.

– Так я и знала. И опять не вовремя! Думала, ты еще неделю продержишься.

Дочь сделала жалостливое лицо, словно извиняясь.

– Собирайся.

В большую корзину мать сложила кусок вяленого мяса, десяток пирожков, бутылку с молоком и мешочек с хрустящими сухими стеблями зверобоя.

– Бегом к бабке. Посидишь у неё в этот раз. Пока приступ не пройдет, даже не думай возвращаться. Поняла?

Девушка согласно кивнула, скорчив грустную рожицу. Только в глазах плясали довольные огоньки.

– И смотри мне! – мать погрозила ей пальцем. – Не ума-тывай старушку. Она уже не в том возрасте, чтобы за тобой

бегать как угорелая.

Женщина чмокнула дочь в щеку и обняла, прижав к груди. Отстранилась и накинула на голову дочери красный капюшон.

– Ну, мам!

– Не мамкай мне! Знаешь же правило. Хочешь, чтобы тебя Старый Хрыч отчитывал?

– Ладно....

– Всё, поторопись. А то стемнеет скоро.

Мать ещё постояла, смотря вслед фигурке, уходящей в сторону темного леса, скрутила пальцы в фигуру от сглаза и пошла обратно в дом.

– Привет! Что ты делаешь здесь в такое время?

Он встретил незнакомку на тропинке посреди леса. Любая девушка её возраста испугалась бы, когда дорогу преградил здоровенный седой мужик с двумя рукоятками мечей за спиной. Но только не она.

– Здесь может быть опасно.

Мужчина старался говорить дружелюбно, но девушке, кажется, было всё равно. Покрасневшие, как от долгого плача, глаза смотрели отстранённо и холодно.

– Куда ты идёшь? Скоро станет совсем темно, заблудишься.

– Я к бабушке. Вот пирожки несу. Тут рядом.

Девушка облизнула пересохшие губы и, чуть откинув

красный капюшон, провела тыльной стороной ладони по лбу, стирая капельки пота, словно вокруг был не прохладный осенний вечер, а летний жаркий полдень.

– Может, тебя проводить? Тут, говорят, оборотни водятся.

– Не надо, – голос стал резкий, лающий, – я сама.

– Как хочешь.

Мужчина отступил с тропы и шутливо поклонился, пропуская девушку. Она коротко кивнула и быстрым шагом пошла прочь, оставляя за собой шлейф запахов зверобоя и жимолости.

Он чуть постоял, раздумывая, а затем двинулся вслед за странной незнакомкой.

Тропинка и правда вывела к аккуратному домику. Седому показалось, что в дверь юркнула серая волчья тень, несущая что-то в зубах. Он прибавил шаг и, подойдя к двери, коротко постучал.

– Заходи, – отозвался каркающий старушечий голос, – дёрни за веревочку, дверь и откроется.

Дёрнув, как было сказано, мужчина вошел. За столом сидела старуха, морщинистая и дряхлая, в чёрном траурном платье и красном капоре. Рядом, с ужасом уставившись на вошедшего, застыла статуей девушка в красном капюшоне.

– Кто ты, добрый юноша?

Бабка расплылась в улыбке, показывая желтые, но креп-

кие не по годам зубы.

– Ведьмак я, бабушка.

– Кто?

– Охотник на нечисть.

– Да ты шо! Неужто в нашем лесу кто завелся?

– Оборотень, говорят.

– Эт кто так брешет? Отродясь тут не водилось никакой дряни.

– Дровосеки, – пожал плечами седой, – те, что у Серой речки лес рубят.

Старуха скривилась, как от уксуса.

– Брешут. Эти ироды только и могут, – бабка сбилась и пристально обвела гостя взглядом, – чаю хочешь? Устал с дороги?

– Не откажусь.

Услышав ответ ведьмака, внучка хозяйки побледнела и спрятала руки за спину.

– Садись, садись. Сам себе наливай, вон только что зава-рила. Уж не обессудь, не настоящий. Так, травки всякие, что сама насобирала.

«Чай» пах зверобоем, жимолостью и еще десятком лесных запахов.

– Оборотни, говоришь?

Старуха смотрела насмешливо, крутя в руках пустую чашку.

– Угу.

Ведьмак мимоходом окинул комнату взглядом и задержался на портрете на стене. Из тёмной рамы угрюмо смотрел мужчина в красном колпаке и с длинным кинжалом в руках. Заметив интерес гостя, бабка хихикнула.

– Муж мой, покойный. Красная стража, может, слышал? До капитана дослужился. Ох и любил выпить подлец. Может, и пожил бы еще, если бы не злоупотреблял.

Ведьмак залпом допил кипяток из кружки, показавшийся сейчас ледяным, и встал, собираясь уходить.

– Спасибо за гостеприимство. Скорее всего, тут и правда нет никаких оборотней. Так и передать лесорубам?

Взгляд старухи стал из насмешливого суровым.

– Пусть не переходят Серую речку, тогда и оборотни мерещиться не будут. А коли будут лес валить за ней – сами виноваты. Места там дикие, волков много.

Седой кивнул и вышел. Закрывая дверь, он услышал, как облегченно вздыхает девица.

Ночевать ведьмак устроился под старым дубом. Смотря в огонь, охотник на нечисть корил себя последними словами. Как можно было брать заказ у лесорубов? Ведь именно из этих мест набиралась Красная стража – телохранители князя Дивьежского и мастера лесной войны, – наводившая ужас своими засадами, ночными вылазками и беспрецедентной жестокостью. Их символами были красные шапероны и знамя, с которого скалил пасть красноглазый волк. По

углам шептались, что они оборотни, взятые князем под руку в обмен на кровавую клятву верности.

Ведьмак поёжился. С одним оборотнем он бы справился. Даже с двумя, если это старая волчица и щенок. Но что делать со сворой, которая бросится в погоню? Да и за что их убивать? Легче объяснить дровосекам, что пересекать границу древнего леса смертельно опасно. И что не надо цепляться к местным, носящим на голове красные головные уборы, родовой знак местного клана оборотней.

Показалось, из дальних кустов на него смотрят две пары жёлтых волчьих глаз. Мгновение, и они бесшумно исчезли. Мужчина завернулся в плащ и прикрыл глаза. Рукоять серебряного меча холодила ладонь, охраняя засыпающего хозяина.

Он проснулся с рассветом. Рыхлый серый туман плыл над поляной. Рядом с потухшим костром стояла корзинка, где под вышитым платком прятались пирожки с капустой. А рядом лежал пучок зверобоя – лучшего зелья, чтобы отпугнуть оборотня. Или облегчить приступ наследственной ликантропии у девушки, ещё не умеющей её контролировать.

Солнце на экспорт

Лев Васильев обожал фотографировать львов. Каждый год он брал отпуск и отправлялся в Африку снимать своих тезок. В этом году выбор пал на Танзанию. Десять дней он провел в резервации с невыговариваемым названием Нгоронгоро. Обгорел, отравился местной пищей, чуть не попал под копыта стада зебр, но был доволен по уши. Десяток «флешек» с тысячами снимков на дне сумки ждали своего часа, когда в холодной зимней России он будет пить горячий чай и вспоминать африканские приключения.

Но всё однажды заканчивается. И вот уже проводник, с кожей цвета горького шоколада, вез его обратно в цивилизацию.

– Через Ндонго поедем, масса. Быстрее будет.

Проводник улыбнулся, показав ослепительно белые зубы, и крутанул руль. Через час тряски по грунтовой дороге они выехали на ровное, как стол, плато. Лев ахнул.

Равнина была уставлена огромными белыми чашами. Словно гигантские параболические антенны смотрели в африканское небо: то ли слушая вой дальнего космоса, то ли передавая туда послание инопланетному разуму.

– Что это, Вакеса? Радиотелескоп?

– Нет, масса. Это солнечный собиральщик.

– Как?

– Солнце собирает. У нас его много.

Они подъехали уже совсем близко. Лев рассмотрел, как по прозрачному шлангу, тянущемуся от дна «тарелки», в большие баллоны перетекает светящаяся жидкость.

– И что вы с ним делаете?

Вакеса пожал плечами.

– На экспорт отправляем. А уже вы, русские, его с самолетов распыляете. Чтобы хорошо и тепло было.

Лев присмотрелся. Командовал группой чернокожих рабочих бородатый мужик в майке с надписью «гражданская оборона». Типичный такой российский прораб, матерящийся и мечтающий о холодном пиве.

«Это консервы, – подумал Лев, – я отравился, лежу в местной больнице и брежу. Сейчас появится врач, и, значит, мне повезло и больница хорошая. Или медведь с балалайкой – тогда я попал к местному знахарю и, вероятно, помру от антисанитарии».

Ни врач, ни медведь не появились. Зато на дороге возникла огненно-рыжая девица в камуфляже и властным движением руки остановила машину.

– Эй, Вакеса, я тебе сколько раз говорила не возить здесь туристов?

Лев смотрел на незнакомку во все глаза и чувствовал, что попался.

(Камера отъезжает, давая общий план. Вдалеке появля-

ются многочисленные пикапы. Вооруженные люди бандитской наружности беспорядочно стреляют в сторону солнечных собиральщиков.

Дальше идут взрывы, стрельба, погоня на машинах. Оставшиеся в одиночестве Лев и Рыжая пробираются через резервацию Нгоронгоро к цивилизации. Много красивых видов африканской природы, львы, стада зебр.

Спасение слоненка от браконьеров. Побег от погони. Заплыв через реку, полную крокодилов. Львы спасают героев, нападая на бандитов. Между Львом и Рыжей начинают завязываться отношения. Красной нитью через фильм проходит образ жаркого солнца, царящего над африканскими равнинами.

Снова погоня. В самый напряженный момент приходит спасение в виде Вежливых людей. Последний кадр: военный самолет. Рыжая спит на плече Льва. Камера отъезжает назад. Грузовой отсек заставлен большими полупрозрачными канистрами, полными теплого солнца. Самолет летит в Россию.)

Ноги

Морская ведьма Урсула залезла с ногами в любимое кресло и налила себе чая из водорослей. Но послеобеденную минутку спокойствия грубо прервали.

– Якорь мне в ухо! Ты дома, селёдка тухлая?

От хриплого прокуренного голоса дрожали стёкла и фарфоровые слоники на серванте. Ведьма тяжело вздохнула, отставила чашку и крикнула:

– Дома, открыто!

Хлопнула дверь, и в комнату вплыла русалочка. Милое, чудесное создание, с большими наивными глазами.

– Здорово, килька волосатая, – пробасила гостья, – семь футов тебе под килем и мачту потолще.

Урсула закатила глаза и опять вздохнула. За годы знакомства она так и не смогла привыкнуть к контрасту ангельской внешности и манере разговаривать.

– В общем, это, – русалочка запнулась и покраснела, – триста акул мне в глотку, по делу я к тебе.

Хозяйка махнула рукой.

– Успеешь. Садись чай пить. И пироженку бери, сама пекла.

Чаёвничали молча. Русалочка мрачно сидела над чашкой, с хмурым видом жуя печенье. А ведьма отдыхала от гомона клиенток своего салона «ногтевого сервиса».

– Так что ты хотела?

Хозяйка отставила пустую тарелочку с крошками от пирожного и улыбнулась.

– Ноги хочу, три тысячи каракатиц мне на хвост.

– Зачем? – ведьма удивленно подняла тонкие выщипанные брови.

– Влюбилась, – шмыгнула носом русалочка, – камбала я дохлая.

– Это в кого? Нет, не говори, дай сама угадаю... В тритончика какого-нибудь? А ноги тогда зачем? Они хвосты любят.

– Нет, – мрачно буркнула гостья.

– А в кого? Неужто в Осьминога? Тогда не ноги нужны, а щупальца.

– В принца, – русалочка достала носовой платок и трубно высморкалась.

– Да ты что?! Серьезно?

Несчастливая влюблённая кивнула.

– Ну ничего себе. Бедненькая. Тут без ног, конечно, никак, согласна. Только и они тебе не помогут.

– Это ещё почему?

– Милая, – ведьма похлопала её по руке, – принц существо утонченное, возвышенное. А ты хоть раз обращала внимание, как ты разговариваешь? Это же ужас какой-то!

– Я что, виновата, что у меня папа – боцман? Виновата, да? Как научил он меня, так и говорю.

– А голос? Тебе в туман сиреной на маяке работать надо.

А твоя трубка? Ты же дымишь, как паровоз.

Русалочка достала из сумочки здоровенную пенковую трубку и с любовью погладила.

– Это папина. Он мне на память оставил, когда в последний рейс уходил.

– И как ты принца соблазнять собираешься? Подойдёшь, дымя трубкой, и как гаркнешь: «А ну, женись, селедка сухопутная, а то на нее повешу!»? Так?

Несчастливая девушка разрыдалась.

– Ну, ну. Не надо плакать. Да зачем тебе этот принц нужен? Мы тебя тут с кем-нибудь познакомим. И ноги тебе совершенно не нужны. Давай я тебя лучше на ноготочки запишу?

– Нет! Три тысячи каракатиц, нет! Кильку дохлую мне за пазуху! Бим-бом-брамсели! Хочу принца!

– А разговаривать ты с ним как будешь?

Русалочка надулась и засопела.

– Придумай что-нибудь. Ты же умная. Самая настоящая ведьма.

Урсула на мгновение задумалась и расплылась в улыбке.

– Есть одно средство. Но будет сложно.

– Я на все готова! Три тысячи морских чертей!

– Тебе придется молчать.

– Чтоб меня на нее повесили!

– Пусть думает, что ты немая.

– Это невозможно!

– Принца хочешь?

– Но как? Мне же надо с ним общаться, он же не килька какая.

– Письма ему будешь писать. Записочки. Эсэмэски отправлять. В конце концов, поставишь вотсап, будете в нём общаться.

Русалочка покачала головой.

– А если он спросит, что со мной?

Урсула махнула рукой.

– Ответишь, что морская ведьма голоса лишила. Согласна?

Девушка кивнула.

– Замечательно! Пойдем делать тебе ноги.

– Так сразу?

– А чего тянуть? Ноги делать проще, чем ногти наращивать, уж поверь специалисту. Кстати, маникюр я тебе тоже советую сделать.

Свадьбу русалочка и принц сыграли через месяц. Жених был без памяти влюблен в невесту. Он немного колебался вначале, смущаясь, что невеста немая. Но девушка компенсировала это сообщениями через сеть. Точку поставил старый король:

– Ты, сын, даже не представляешь, как тебе повезло. Я твою мать, конечно, люблю, но тут тебе завидую.

Потянулись обычные будни королевской семьи. Молодые

жили душа в душу. Невестка ни разу не поспорила со свекровью, чем завоевала искреннюю симпатию. И только свёкр тяжело вздыхал, особенно во время споров о бюджете королевства. Принцесса же светилась от радости, счастливая как никогда.

И только в полнолуния, когда прилив был особенно сильным, девушка убегала из дворца. Накинув тёмный плащ, пробиралась на берег моря. Забиралась на скалу и отводила душу.

– Бим-бом-брамсели твою каракатицу! Грот-мачту тебе по самый зюйд-зюйд-вест! Щупальцем тебе по заднице, крыса сухопутная!

Когда горло начинало першить от крика, русалочка закуривала трубку. Выпускала в ночное небо кольца дыма. И снова кричала, заставляя море идти волнами.

Уже под утро она возвращалась обратно. Тихонько пробиралась коридорами дворца в свои покои. Чистила зубы мятной пастой, чтобы убрать запах табака. Тихо ложилась в постель, прижималась к любимому принцу и засыпала спокойная и счастливая.

А на берегу моря до самого рассвета вскипала на прибрежных скалах морская пена, красная от смущения.

Цирк на обочине

– Тихо!

Сталкер Запащининский сделал предупреждающий знак.

– Входим в Зону. Держите себя в руках и не смотрите по сторонам. Идите за мной след в след.

Группа двинулась гуськом за проводником.

– А откуда она взялась, Зона? – тихо спросил мрачный субъект, шедший вторым.

Запащининский неопределённо пожал плечами.

– Разное говорят. Кто-то рассказывает, что тут случайно встретилось три гастролирующих цирка, которые вдобавок посетил известный юморист. Смех достиг критической массы и жажнул. Другие – что здесь забили стрелку для разборок юмористы старой школы и молодые, из всяких комеди-клубов, а к ним подтянулись кавээнщики, возникла цепная реакция... Точно никто не знает.

Некоторое время шли молча.

– Стоп! Замрите. Закройте глаза или смотрите в землю.

Что-то двигалось наперерез группе. Звучала веселая музыка, гремели тарелки, слышался хохот. Сталкер закрыл глаза и про себя читал грустное стихотворение Бродского. Это всегда помогало.

А вот один из ведомых не выдержал. Молодой парнишка поднял взгляд и увидел процессию клоунов, ведущих на

поводке розового слона. Парень захохотал и ринулся к ним, весело подпрыгивая и хлопая в ладоши.

– Нет!

Сталкер задержал мужчину, пытавшегося остановить парня.

– Ему уже ничто не поможет.

Они ещё постояли, дожидаясь, пока клоуны пройдут мимо. И снова пошли вперед. Мимо погибельного цирка, смертельных американских горок, лабиринта кривых зеркал. Туда, где в центре зоны Хохотнобыля лежал Куб Истинного Юмора.

Назад вернулся только Запашнинский. С безумным взглядом, непрерывно хихикающий. С зажатым в руке билетом на прошлогоднее выступление Петросяна.

Счастье почтой. Срок доставки до трех дней

Объявление было напечатано мелким шрифтом на последней странице бесплатной газеты. «Счастье почтой. Расфасовано двойными порциями. Срок доставки до трех дней. Оплата по факту получения». И короткий бесплатный номер.

Она рассмеялась глупой шутке. До чего же изобретательны мошенники. И как наивны люди: ведь кто-то ловится на этот крючок, заказывает, платит деньги за явную ерунду. Сложив газету, она положила её рядом с мусорным ведром.

День закончился, солнце опустилось за далекие многоэтажки, во дворе замолкли голоса детей. Она пила кофе, сидя у окна. Вспомнила глупое объявление. Улыбнулась, сначала весело, потом горько. И разрыдалась в ладони. Одна, всё время одна. Сколько можно жить в одиночестве?

Решительным шагом она пересекла кухню, нашла несчастную газету и дрожащими пальцами набрала номер.

Через три дня она нашла у подъезда в коробке от посылки полосатого котенка. На следующее утро ветеринар, к которому она принесла питомца, не мог оторвать от неё взгляда карих глаз. Он передал ей мохнатого кроху, их пальцы встретились...

На следующей неделе она зашла на почту и оплатила счет от загадочной фирмы. Чувствуя, что немного обманывает этих «мошенников» – счастье пенилось в ней гораздо больше, чем двойной порцией.

Русский фронтiriще

Загадку русской души они разгадывают. Говорят про особый русский менталитет. Достоевского изучают, понять пытаются. Ерунда всё это! Секрет очень прост – русские живут на фронтире. В самых разных смыслах этого слова.

Изначально слово «фронтир» обозначало Дикий Запад, куда ехали поселенцы. Там, где ковбои, фермеры, индейцы, шерифы, следопыты и бизоны. Формально – там, где плотность населения менее двух человек на квадратный километр. А теперь смотрим на карту России: у нас две трети страны такие! Мы слегка скучковались в европейской части, чтобы уж совсем не потеряться, а всё остальное – самый что ни на есть фронтир. Степи, тайга, тундра, горы. Ау, люди! Хоть оборись, можно неделями никого не увидеть. Только медведь выйдет из чащи, посмотрит укоризненно и вкрадчиво спросит: «Чё орём? Тушёнка есть? А если найду?»

Нам даже за Урал выбираться не надо: выехал в деревню, вот тебе и фронтир. Участковый-шериф, пьяные индейцы на тракторе, баба Маша метает тяпку лучше томагавка. Мобильник ловит сеть только за во-о-о-н за тем полем. Там, кстати, уже и лавочку вкопали для любителей разговоров. А вы, негры городские, лопаты в руки – и вперёд на огород, солнце ещё высоко.

За столетия фронтир въелся в нас до мозга костей. Мы по-

чему, в отличие от европейцев, незнакомцам не улыбаемся? Так ясное дело: вот встретил ты в лесу или на улице человека. А вдруг он индеец какой? Сначала надо выяснить, кто таков, зачем пришёл. Если наш – можно улыбаться и звать в гости.

Половина страны разбирается в сборе грибов и ягод, на ощупь может отличить ложный опёнок от настоящего и знает до дня сезон сбора земляники и клюквы. Другая половина огородничает с одной лопатой лучше любого фермера с трактором и умеет консервировать помидоры десятью разными способами. Каждый второй или рыболов-охотник, или может из подручного металлолома собрать машину/ трактор/ мясорубку. Жуков колорадских в баночку кто собирать не умеет? Это не признаки цивилизованных людей, это необходимые умения для жителя фронта.

Вот люди возмущаются поведению нашего туриста за границей. Ну да, орёт, пьёт как не в себя, в бассейн прыгает и песни поёт. А между тем это нормальная реакция ковбоя, выбравшегося в большой город после месяцев скитаний по прериям. Отстаньте вы уже от человека! Ему ещё обратно возвращаться. А там злой шериф, в салунах драться запрещают, индейцы опять же.

Но и без фронта мы не можем, совершенно. Он наша точка приложения, место сборки, цель и смысл. Нам хорошо, только когда мы свой фронт осваиваем, движемся вглубь. Стоит перестать нести порядок в пустые пространства, и мы

идём вразнос. Вот, скажем, в шестнадцатом году достроили Транссиб. Оглянулись. Как, больше нечего строить? И загудели аж на две революции. Очнулись, только когда вокруг снова сплошной фронтир. И давай снова его осваивать. И всё вроде хорошо: целина, БАМ... Знаете, на чём погорели? На повороте сибирских рек. Обещали, обещали, а в восемьдесят шестом отменили. Всё, СССР был обречен. Зачем он нужен, если осваивать свои пустоши не будем? (Ещё яблоки на Марсе обещали и не сделали, чем усугубили.) Снова загудели, пока всё не порушили до дикого капиталистического фронта.

Чуть отъелись, порядок навели и обнаружили, что фронтир опять с нами. Мост в Крым? Фронтир! Работа для нас. Северный широтный ход? Наше дело! Арктику осваивать? Да пожалуйста! Тут, главное, не останавливаться.

А еще нас манит космос. Луна. Марс. (Мы помним про яблоки!) Спутники Юпитера. (На Титане моря из нефти, мы давно на них глаз положили.) Лично посетить плато Спутник на Плутоне. А уж если встретим инопланетян... (Настоящие индейцы! Наконец-то!) Это ж как приложиться ко всему космосу можно!

Мы дети фронта. Хмурые при встрече и улыбчивые после знакомства, недоверчивые и добрые одновременно, любящие простор и снимающие обувь при входе в дом, свободные и прикованные к своим берёзкам. Ковбои тайги, пастухи медведей, индейцы бесконечной степи. Добро пожаловать

к нам в гости! Только помните, каждый день на фронтире
делает вас чуточку нами.

Ёлочка

Графиня Алиса Зюйдмарская с самого утра пребывала в скверном расположении духа. Даже три рюмки коньяка, влитые в кофий, не спасали положение. Погоды стояли отвратительные, в родовом замке гуляли мерзкие сквозняки, стражники под окном горланили фривольные песни, безбожно фальшивя, новый год неотвратимо приближался, а покойный муж ухмылялся с парадного портрета самым противным образом.

– В кладовку перевешу, – мрачно пообещала ему графиня, подлила себе ещё коньяка, выпила залпом и, подойдя к окну, закричала в форточку:

– А можно так не орать?! У меня мигрень, между прочим!

Песня прекратилась. Минут пять стражники молчали, а затем, не в силах сдерживать новогоднее настроение, запели снова. Но теперь вполголоса, так что слов стало не разобрать. Графиню это стало раздражать ещё больше, но потребовать петь громче не дала врожденная тактичность.

– Сволочи, – кратко резюмировала графиня и подумала послать ещё за кофе.

– Барон фон Нордмульский просит аудиенции, – бодрым голосом доложил появившийся дворецкий.

Хозяйка замка окинула его недовольным взглядом. «Ро-жу-то какую довольную отъел, подлец, – подумала графиня»

ня. – Наверняка празднует с самого утра, пока я тут страдаю».

– Чего это он приперся? – вежливо поинтересовалась Зюйдмарская.

– Хочет лично засвидетельствовать и, так сказать, поздравить с наступающим.

«Замуж тебе надо, барыня, – с тоской подумал дворецкий, не в силах наблюдать каждый день страдания госпожи. – Уж он бы не дал тебе портить всем праздник».

– Не приму, – мрачно буркнула графиня, – пусть пойдёт прочь, мужлан. Знаем мы его: будет требовать выпить, потом закусить, ещё разобьёт что-нибудь. Одни убытки от таких гостей.

Но передать отказ дворецкий не успел. В залу, благоухая дешёвым одеколоном, ворвался барон. Толстенький, с торчащей, как у ежа, недельной щетиной и в напыленной на голову новогодней шапочке.

– С наступающим, дорогая графиня! Как я рад видеть тебя, ты себе не представляешь. Красивая женщина для праздника – это как главное блюдо на столе...

– Мы вроде на брудершафт не пили, – зыркнула исподлобья Зюйдмарская, – на «вы», пожалуйста.

– Так, значит, надо! – обрадовался барон и достал из-за пазухи бутылку шампанского, – живём рядом, а видимся так редко. Надо больше общаться!

– Я вас не приглашала, между прочим.

– Ах, какие могут быть формальности между соседями? Вот ехал мимо, дай, думаю, поздравлю душечку графиню. Чай сто лет не виделись.

– И ещё бы столько, – насупилась хозяйка замка.

– Чё стоишь? Бокалы тащи, мы праздновать будем, – барон махнул рукой дворецкому, – и клубнику на закуску тащи.

– Нет у нас клубники, – мрачно показала фигу графиня.

– Так я привез! Скажи там, пусть тебе отдадут корзинку.

И моим охламонам крикни, пусть заносят.

– Что это? – Зюйдмарская сердилась всё больше. Жизнерадостность барона вызывала зависть и раздражение.

– Сейчас увидишь. Я без подарков не хожу в гости. Тем более к такой красивой леди.

Кряхтя, ругаясь и топча друг другу ноги, два дюжих молодца внесли в зал ёлку в деревянной кадке.

– Вот! Замечательная ёлочка.

– Зачем она мне?

– Нарядим сейчас.

Барон довольно подмигнул, достал из сумки цветные шары и стал развешивать на ветках.

– Люблю ёлку украшать. Кстати, после праздника мы её высадим перед замком. А то у тебя одни газоны вытоптанные. Никакой красоты.

– А чё это вы тут распоряжаетесь, а? Мой газон, между прочим. Хочу – вытаптываю. Хочу – заасфальтирую. Ишь,

приехал он тут. Ёлку припёр и думает, что всё можно.

– Ну зачем же кричать, милая графиня? Я со всей душой, с серьёзными намерениями. А ты орать.

– Мой замок! Хочу ору, хочу выгоню. С намерениями он. А меня спросил? Я, может, в монастырь собралась, некогда мне. Тоже мне, красавец выискался.

– Да вот, выискался, – барон топнул ногой. – Замуж пойдешь?

– Вот прям шаз! Разбежалась. И без тебя женихов хватает. Нордмультский с укоризной посмотрел на графиню. Вся округа знала, как последнего рискнувшего посвататься Зюйдмарская в дурном расположении духа выкинула в крепостной ров.

– А я особенный.

– Да уж прям.

– Да уж вот, – передразнил барон графиню, – сил нет смотреть, как ты тут страдаешь. Тридцать котов завела. Замок запустила. Газон опять же...

– Хамло! Да знаешь, где я вас, мужиков, видала? К газону он моему прикопался. Пошел вон!

– Ах так?

Барон стукнул по столу рукой. Бокалы жалобно звякнули.

– Да, вот так!

Графиня показала ему язык.

– Всё, с меня хватит.

Нордмультский подскочил к Зюйдмарской, схватил её и за-

кинул на плечо.

– Что ты себе позволяешь? Поставь меня немедленно!

– Тихо! – барон легонько шлёпнул её чуть пониже спины, – спальня где?

– По коридору, третья дверь налево, – еле слышно ответила графиня.

Барон не спеша двинулся в указанном направлении, стараясь не растрясти ношу. Графиня не могла придумать, что ей делать в этом глупом положении, а дворецкий спрятался за портьерой и молился святому Женуарию, покровителю брака и деторождения.

На следующее утро графиня вышла в зал и встала у окна, разглядывая двор замка.

– Сделай-ка мне чаю. И булочку, маленькую, – махнула она рукой дворецкому, на секунду задумалась и добавила: – Скажи стражникам, пусть споют чего-нибудь. Весёленького.

Дворецкий, пряча улыбку, побежал выполнять поручение. Графиня нахмурилась.

– А ведь действительно, газон ужасно смотрится. Прямо стыдно перед гостями.

На улице слышались возгласы и радостные крики. Грохнула хлопушка, и стража затянула марш Мендельсона «а капелла». Графиня улыбнулась и, не дожидаясь чая, пошла за стремянкой – нужно было достать с антресолей коробку с ёлочными игрушками. Зайка-барон совершенно

не умел красиво наряжать новогоднюю ёлочку.

Постновогодняя рассказывка

Первого января, ровно в два часа дня, в дверь позвонили. Сашка удивился, пожал плечами и пошел открывать. Кто бы это мог быть?

За дверью стояла целая делегация: сонный участковый; мужчина с кожаным портфелем в руках и фингалом под глазом; женщина в мятом вечернем платье и с блестками конфетти, застрявшими в волосах.

– Новогодний контроль! – хором заорала троица, а мужчина вытащил цветастую пищалку и громко задудел.

– Что?

Бесцеремонно отпихнув Сашку, они ввалились в квартиру. Оставляя за собой дорожку из цветной мишуры, гости ринулись на кухню.

– Так-так, – мужчина с портфелем сразу же распахнул холодильник, – где он?

– Кто?

– Оливье! Почему нет тазика со вчерашним оливье?

– Я его не готовил.

Участковый нахмурился и покачал головой.

– А селедка под шубой? Или хотя бы крабовый? – не унимался мужчина.

– Вчера съел.

Женщина охнула.

– Готовить салат только на раз? Ужас какой!

– Где бутылки от шампанского? – мужчина уже метнулся к мусорному ведру.

– Одна была, утром с мусором выкинул.

– Утром, мусор? Всего одна? То есть праздновал один, съел салат сразу да еще и утром рано встал. Первого числа! Хорош гусь. Миша, составляй протокол.

Участковый скорчил страшное лицо и достал мятую бумажку и карандаш.

– Всё, гражданин, допрыгались. Подорвать самые основы праздника! Вы представляете, до чего может довести нарушение всех традиций Нового года? Как нарушает гармонию страны такая фальшивая нота? Весь год может пойти наперекосяк!

– Может, его сразу того, – участковый снял с пояса наручники, – в участок, и пусть разбираются? А вдруг он диверсант? Ух, премию дадут за такого!

– Я думаю, молодой человек просто ошибся, – женщина улыбнулась и положила руку Сашке на плечо, – и готов пересдать Новый год. Так ведь?

– Точно готов? – мужчина всё еще хмурился.

Сашка кивнул.

– Хорошо. Миша, води сюда ту деваху с третьего этажа. Ну ту, что читала всю ночь вместо праздника. Пусть тоже пересдает.

Мужчина раскрыл портфель и принялся выставлять на

стол бутылки шампанского, банки с горошком, колбасу, батон, три хлопушки, пачку бенгальских огней и маленькую ёлочку в горшочке.

– Что смотрите? Ставьте картошку вариться и яйца. Где тазик под оливье?

Хозяин квартиры вздохнул. Надо было постараться и отпраздновать со второго раза. Пару лет назад один знакомый пересдавал Новый год целых семь раз и под конец обнаружил, что успел в процессе жениться.

Сашка на мгновение обернулся, натолкнулся на лукавый взгляд женщины из комиссии, вздрогнул и полез в холодильник за майонезом.

Смысл жизни маленького головастика

В мелкой луже, прогретой весенним солнцем, бурлила жизнь. Бодрые головастики всех цветов и размеров сновали туда-сюда. Ссорились, боролись, ели, веселились и радовались своей короткой жизни. Только головастик Виталик заплыл в маленькую бухточку и задумчивым взглядом смотрел на берег.

– Эй, ты чего? – толкнул его хвостом головастик Аристарх. – Заболел что ли?

– Нет. Я думаю. О смысле жизни.

Аристарх вылупил глаза и в растерянности пошевелил жабрами. Головастикам думать в принципе не положено, а уж о смысле жизни и подавно.

– Э-э-э... А чего тут думать? Ешь, плавай – вот и весь смысл.

– Смысл нашей жизни, – вмешался головастик Епифаний, – стать лягушками. Нашли, о чём спорить.

– Не согласен! – влез в разговор головастик Эдуард, – главное, прожить отпущенное время в удовольствие...

– А сам чего думаешь? – Аристарх толкнул хвостом Виталика.

– Я думаю, смысл моей жизни – стать драконом.

Вся компания разом засмеялась.

– Придумал тоже!

– Драконом!

– Ишь выдумал!

И головастики поплыли есть, играть и веселиться.

Прошла неделя. Одних обитателей лужи съели птицы, другие превратились в лягушек. А головастик Виталик стал драконом. Маленьким, правда, с палец величиной, но вполне себе настоящим. Потому что если хочешь быть жабой, то ей и вырастешь. А если хочешь драконом, да еще и каждое утро делаешь зарядку, читаешь умные книги, тренируешься дышать огнём, то у тебя всё получится.

Только имя Виталик сменил. Теперь он Феанор Николаевич. Ведь согласитесь, не солидно, когда дракона зовут Виталик.

Топот толстых привидений

Мистер Джон Уильямс ворочался в постели, крутился в одеяле, как бабочка в коконе, вздыхал и никак не мог уснуть. С ним всегда так случалось, когда ночевать приходилось в незнакомом доме. А сейчас, когда это был старинный замок, заснуть не получалось совершенно. Тем более что со вчерашнего дня это была его собственная крепость. Маленькая, древняя, но вполне себе целая, неповрежденная прошедшими веками. Крепостные стены, угловые башни, донжон в центре. Мечта! Если не обращать внимания на современные удобства, сделанные предыдущим хозяином, можно было представить, что ты в средневековье.

Потеряв последнюю надежду заснуть, мистер Уильямс поднялся. Нащупал ногами тапочки, водрузил очки на переносицу и, подсвечивая себе телефоном, двинулся в сторону кухни. Может быть, чашка чая поможет успокоиться?

Проходя мимо лестницы, мистер Уильямс услышал на верхнем этаже топот, словно там занимались пробежкой неуклюжие бегемоты. Хмыкнув и грозно сдвинув брови, хозяин замка двинулся на шум.

Источник топота нашелся в дальнем коридоре на восточной стороне. Там, громко пыхтя, бегало три упитанных приведения. Тряся пузиками, скорбно охая и утирая призрачный пот, несчастные духи неслись по кругу.

– Быстрее! – подгонял компанию один из бегунов, – ишь наели телеса. Вас за такое бесстыдство давно пора в цирк сдать. Дошкольников пугать по воскресеньям.

Мистер Уильямс минуту наблюдал за странным сеансом физкультуры, а затем вежливо кашлянул, привлекая внимание.

– Ну вот, – огорчился самый низенький призрак, – хозяйина разбудили.

Привидения остановились, сбились в кучку и понуро повесили голову.

– Простите, что мешаю, но чем вы занимаетесь?

– Худеем, – буркнуло самое мрачное привидение.

– Зачем?

– Затем! Последний век жильцов тут было мало, расслабились, распустились, вес набрали. Теперь даже ребенка не напугаем. Где это видано, чтобы приведение в каминной трубе застревало? А цепями греметь как? А завывать?

Вся троица горестно вздохнула.

– Вы идите, ложитесь. Мы постараемся вас не беспокоить.

Мистер Уильямс задумался, просветлел лицом и предложил:

– Давайте я вам помогу. А вы будете пугать по графику. Скоро тут будет много туристов, надо обеспечить им впечатления. Но строго по прейскуранту и только за оплаченное время.

Приведения заинтересовано взглянули на хозяина замка.

– А реквизит? Цепи там, автоматические пугатели, вздыхалки, шумелки, грюкалки...

– Пишите список, что вам требуется.

Почти до самого рассвета мистер Уильямс обсуждал с призраками контракт на должность аниматоров. А утром поехал в ближайший город закупать скакалки, гантели, беговую дорожку и велотренажер. Ведь толстый призрак, застрявший в форточке или бегущий по коридору с одышкой, вызывает только улыбку. Но платят больше за комнату страха, а не смеха! Это вам любое лохнесское чудовище, чупакабра или йети подтвердит.

Коробка желаний

– А что это у тебя?

Маша показала пальцем на яркую коробочку в руках подружки.

– Коробочка желаний.

Настя потрясла её и зажмурилась от удовольствия, прислушиваясь к глухому стуку внутри.

– Правда? – Маша с сомнением прищурилась, – она исполняет желания?

– Ага. Я из нее достаю, что мне хочется.

– Покажи!

Девочка открыла жестяную крышку и достала маленький зелёный леденец. Посмотрела его на просвет на солнце и положила в рот. Маша сунула любопытный нос в бонбоньерку и состроила разочарованную гримасу.

– Да это просто коробка с конфетами. Еще и не шоколадными, а сосульками.

– Я говорю – коробочка желаний! Хочу леденцов, и они там.

– А когда закончатся? А? – Маша показала язык. – Бе-бе-бе!

И несносная подружка убежала в сторону качелей.

Девочка пожала плечами и вытащила ещё один леденец, на этот раз полосатенький. Ну закончатся конфеты, ну и что?

Значит, просто всё волшебство потратилось. А сейчас ей хочется леденцов, и цветная коробочка исполняет желание. Разве это не чудо? Закончится оно, найдётся другое. А пока можно радоваться и верить в волшебство.

Последний леденец оказался во рту. Девочка облизала липкие пальцы и спрятала коробочку. Дома она помоеет её и спрячет для следующего желания. Настя, в отличие от подружки, да и многих взрослых, знала – чудеса надо делать самому. Как папа, когда приклеивает белую бороду на Новый год. Или мама, когда печёт волшебные пироги с малиной. А кто не верит, тот дурак, и ему можно показать язык. Бе-бе-бе!

Глупости в горошек

– Настя, скажи честно, как у тебя это получается?

– Что именно?

– Ну, вот это... Ты умная баба, директор здоровенной фирмы. К тебе даже подойти иногда страшно – кажется, что съешь и кости выплюнешь. А стоит тебя вытащить куда-нибудь отдохнуть, на шашлыки, в клуб, как ты сразу преобразуешься. Улыбаешься, милая вся, хохочешь над любой шуткой. Слова грубого никому не скажешь. Глазками хлопаешь как настоящая блондинка.

– Катюнь, что же тут удивительного?

– Скажи, как? Как тебе удастся переключаться? Ты можешь быть тигрой натуральной. Рычишь, что спрятаться хочется. А через час – добрая и хорошая. И за вечер никогда даже не рывкнешь. Даже когда на прошлой неделе на тебя кетчуп опрокинули, ты только хохотала. Я бы так не смогла.

– Это мой маленький секретик.

Настя открыла сумочку и осторожно двумя руками вытащила маленькое существо на пяти ножках, с большими ушами, в белой шерстке с круглыми зелеными пятнышками.

– Что это?

– Глупость. Я её как-то на распродаже купила.

– Ужас какой!

– И ничего не ужас. Она милая. Положила в сумочку, и на

весь вечер мозги отключаются. Никакие проблемы не беспокоят, можно спокойно веселиться.

– Серьезно? А чего она в пятнах? Болеет?

– Не в пятнах, а в горошек! Это порода такая, «московская бодрая в горошек». Правда, моя прелесть?

Настя пощекотала пузик зверушке. Глупость хихикнула, ухмыльнулась и показала язык.

Катя в ответ тоже захихикала и потянулась погладить диковинку. Все мысли и вопросы стремительно улетучивались из головы. Ведь хорошая глупость, особенно в горошек, работает по площадям, отбивая серьезность в радиусе до ста метров.

Метлолёт 17/23

На пересечении улицы Мира и улицы Молодежная (бывшая Ленина), в старом доме с горгульями на козырьке, есть магазин. «Хозмаг», – сообщают большие выпуклые буквы над входом. Спроси любого старожила, и он скажет, что этот магазин был тут всегда.

Еще до революции держал здесь лавку с таким же названием купец Анчуткин. В советские времена магазин торговал мылом, вениками, стиральным порошком и крышками для консервации. Рассказывают, что в девяностые бригада братков хотела открыть вместо него казино. Да только сгинула в полном составе на следующую ночь после «наезда». А магазин продолжил продавать нужные в каждом хозяйстве вещи, добавив в ассортимент мелок «Машенька», китайские термосы и напольные весы для сидящих на диете домохозяек.

Вечером в пятницу дверь в магазин распахнулась и вошла девушка. Чуть-чуть растрепанная, с красной сумочкой в руках и очках с тонкой оправой на носу. Немного растерянно огляделась и направилась к полкам под табличкой «Всё для уборки».

Прошла мимо совочков, презрительно хмыкнула на пушистые метелки для пыли, поморщилась, увидев туалетные ершики. Хмурясь, повертела в руках веник, продающий-

ся сегодня со скидкой. С сомнением осмотрела ряд швабр. И растерянно замерла перед витриной с метлами.

– Вам помочь?

Рядом появился продавец. Улыбающийся молодой человек, на чьем бейджике готическим шрифтом было написано: «Нежитин. Старший консультант».

– Нет, нет. Спасибо, я сама.

– Это старые модели, – консультант не отставал, – мы можем предложить вам что-нибудь более элегантное.

Девушка обожгла его сердитым взглядом. Но тот не соби-
рался сдаваться.

– Вот взгляните.

Продавец сунул руку справа от витрины и щелкнул скры-
тым выключателем. Стойки с метлами разъехались, выпус-
кая дополнительную секцию. Там, на металлических под-
ставках, стояли... Черенки из полированного красного дере-
ва, верх ручек в кожаной оплётке, стебли в пучке ровные,
один к одному. На конце – стальной значок в виде выгнув-
шей спину кошки.

– Классическая модель. Фирма Witchmaster.

Покупательница замерла. Сразу было видно, это не ба-
нальные метлы. А серьезные штучные изделия, настоящие
Pomelo.

– Вы недавно в профессии?

Консультант подмигнул. Только сейчас стало заметно, что
зрачки его желтых глаз вертикальные. Девушка смущенно

кивнула.

– Тогда я рекомендую вам более современную модель. Пройдемте.

Он отвел её в дальний конец магазина и выложил на прилавок нечто невообразимое.

– Модель «Метлолёт 17/23». Облегченный черенок из алюминиевого сплава. Удобное посадочное место.

И правда, на метле было седло наподобие велосипедного.

– Отличную тягу обеспечивает метелка из углеродных нанотрубок. Встроенный парктроник и защита от ветра.

– Она очень дорогая? – девушка с нежностью провела ладонью по метле.

– У нас можно взять в рассрочку, – продавец довольно улыбнулся.

– Заверните. Я беру её.

Пока консультант упаковывал метлу, девушка спросила:

– А не подскажите, куда можно на ней слетать? Я недавно в городе. Может, шабаш или еще что.

– Вот, – молодой человек протянул ей визитку, – загородный фитнес-клуб «Ворожея» проводит ежемесячные опен-эйр ковена ведьм. Там указана группа в «Фейсбуке», где публикуются анонсы мастер-классов и других активностей. У нас очень дружное сообщество. Вам будет уютно.

Довольная покупкой девушка пошла к выходу. Перед самой дверью она остановилась и посмотрелась в большое зеркало. Поправила прическу и, не удержавшись, подмигнула

отражению. Зеркало пошло рябью и растрескалось. Улыбнувшись, она вышла из магазина.

Консультант вздохнул и нажал кнопку под прилавком, запуская механизм замены стекла. Еще ни одна ведьма, даже самая милая, не удержалась от шалости с зеркалом. Впрочем, цена испорченного предмета была включена в наценку, и вздыхал он только по привычке.

Вокзальный домовой

Михал Михалыч застрял. Подлец поезд ушёл точно по расписанию, за полчаса до того, как Михмих приехал на вокзал.

– Зараза, – сплюнул мужчина и культурно про себя перечислил десяток ругательств.

До следующего поезда оставалось еще пять часов. Тратиться на гостиницу было жалко, и Михмих решил пересидеть на вокзале. Взял билет у сонной кассирши, сел на железную скамейку в зале ожидания, достал сканворд и принялся ждать.

Слова в головоломке закончились. Михмих оторвал взгляд от серого листа и огляделся. Вокзал опустел. Только в будочке около выхода дремал полицейский, да спал у дальней стены мужик в засаленном ватнике. Встав и размяв затекшие ноги, Михмих прогулялся до газетного ларька за новым сканвордом. Но киоск был закрыт. Только мухи обсиживали стекло над газетами. Привокзальное кафе на втором этаже тоже оказалось заперто. А табличка на двери обещала, что даже на завтрак он не успеет.

Тяжело вздохнув, Михмих вернулся на свое место. Минуты тянулись как прилипшая к подошве жвачка. Даже представить, сколько ждать до поезда, было тяжело.

– Скучно?

Михмих обернулся. На соседнем кресле сидел маленький человечек. В заношенной, но чистой одежде. С окладистой седой бородой.

– Угу.

– Давай в картишки перекинемся? На интерес. А то меня тоже скука одолела.

Мужчина пожал плечами. Развлечение ничем не хуже сканворда.

Играли в дурака молча. Человечек азартно шлепал картами, горестно вздыхал при проигрышах и бурно хлопал в ладоши, выигрывая.

Счет партий перевалил за второй десяток.

– Может, ты есть хочешь?

Заботливо осведомился у Михмиха противник.

– Кафе закрыто.

– Да это ерунда! Сейчас организуем. Пойдем.

Человечек вскочил и резво побежал к служебному входу.

– Не отставай!

Они пару минут проплутали по темным коридорам и оказались в маленьком буфете с тремя столиками, сиротливой геранью на подоконнике и дремлющей официанткой за стойкой.

– Машенька! А сделай нам кофе и бутербродов.

– А?

Машенька, румяная и пышная, как булочка, протерла глаза.

– Опять чужих водишь? Ох, влетит тебе, – ворчала она для порядка, но заказ принесла.

Михмих расплатился и впился зубами в бутерброд. Человечек сидел напротив и умиленно смотрел, как ест мужчина.

– Может, тоже будешь?

– Не. Я ужинал плотно.

– Спасибо. А то я с голоду помер бы, пока поезда дождался. Кстати, надо же познакомиться. Я Михал Михалыч, инженер.

– Пафнутий Федорович, – новый знакомый солидно кивнул, – домовой.

– Кто?

– Домовой. Не слышал про нас разве?

– А что на вокзале делаешь? Вы же вроде в обычных домах живете.

– Потерялся, – грустно вздохнул Пафнутий, – пару лет назад мои переезжали. Я тоже с ними думал. На вокзале замешкался и не нашел, на каком поезде они едут. А обратной дороги не знаю. Вот и кукую тут.

Михмих покачал головой.

– Дела.

– Ты поел? Давай развлекать тебя, пока поезд не пришел.

Домовой устроил Михмиху экскурсию по вокзалу. Затем они заглянули в диспетчерскую, где долго пили чай с баранками. Катались на маневровом тепловозе со знакомым машинистом Пафнутия. Посмотрели на город из башенки над

вокзальными часами. И заглянули в кабинет начальника вокзала – полить фикус.

– А то засохнет, – пояснил домовой, – про него все забывают.

Наступало утро. Появились первые пассажиры. Сонная уборщица нехотя возюкала шваброй в зале ожидания.

– Быстрее! – домовой заволновался, – идем, там твой поезд подходит.

Они вышли на перрон.

– Слушай, – вдруг оживился Михмих, – а давай я тебя заберу к себе. Чего ты тут маешься?

Домовой опешил.

– Как?

– Да просто. У меня свой дом, сад яблоневый. Коровы нет, уж извини. Семья у меня хорошая, дружная. Поехали. Что ты тут забыл?

Пафнутий всхлипнул.

– Правда?

– Честно-честно.

– Я сейчас!

Домовой бросился в здание вокзала.

Подошел поезд. Михмих показал билет проводнице.

– Заходите, пять минут всего стоим.

– Да-да, сейчас.

Домового всё не было. Снова потерялся? Передумал?

– Проходите, мужчина. Уже отправляемся.

Вздыхнув, Михмих прошел в своё купе. С шумом открыл дверь.

На верхней полке сидел улыбающийся Пафнутий и радостно болтал ножками. В руках домовой сжимал горшок с фикусом из кабинета директора.

Коттабыч

Старую керосиновую лампу Витёк нашел в сарае. Полез туда за пилой, случайно толкнул старый буфет и чуть не упал под градом древнего хлама. Выбрался наружу весь в пыли, паутине и мусоре. А в руке была она.

– Тьфу ты.

Пытаясь отряхнуться, Витёк смахнул пыль и с лампы.

– П-ш-ш-ш-ш!

Из старинной жестянки повалил дым. И среди черных клубов появилась призрачная верхняя половина кота. Вместо нижней была мутная дымка, заканчивающаяся длинным хвостом.

– Слушаюсь и повинуюсь! – громогласно заявила кошачья пасть.

– Ты кто?

– Я джинн Мурз ибн Коттаб. И ты освободил меня из тысячелетнего плена. Приказывай же, о достойнейший из людей.

– Коттабыч, значит.

Витёк хмыкнул.

– Ну тогда построй мне дворец.

– Прости, о великолепнейший, но я не умею строить дворцы.

– А как насчет богатств?

– Я могу поймать для тебя тысячу мышей, о прекраснейший.

Морда джинна расплылась в счастливой улыбке.

– Разве это богатство?

– Конечно, мой господин. Тысячи котов мечтают о таких сокровищах.

– Хм... Может, ты поесть можешь сделать?

– Пожалуйста!

Перед Витьком появилось блюдо с десятком серых мышей. Каждая была перевязана ленточкой с бантиком.

– Понятно... Ну хоть что-то ты можешь сделать полезное?

Джинн развел лапами.

– Может, хоть почистишь меня? Видишь, испачкался весь.

Коттабыч расплылся в чеширской улыбке.

– Нет ничего легче!

Кошачий джинн выдернул у себя ус и прошептал: «Мяу-тибедух-мур-мур-тибедух».

– А!

Витёк против воли упал на землю. Вытянул вверх правую ногу. И принялся самозабвенно вылизывать себя по-кошачьи.

Колодезь

Ранним утром Ольге позвонили родственники. Она уже и забыла, что где-то в глухой деревне есть тётки, двоюродные сёстры и троюродные бабушки. Когда-то давно, в детстве, она ездила туда с матерью. В памяти сохранились только запах малины, вкус молока, ажурные салфетки на комод и солнце, щекочущее нос. Она не была в тех краях тысячу лет и даже не задумывалась о родне. А они взяли и позвонили.

– Срочно приезжай, – чуть не кричали из телефона, – баба Настя совсем плохая. Ты просто обязана приехать послезавтра.

Пробурчав что-то невнятное, Ольга закончила разговор. И позвонила матери, узнать, какого лешего ей звонят эти странные люди.

– Баба Настя? – мать долго молчала, тяжело дыша в трубку. – Тебе надо ехать.

– Мама, зачем? Я даже не помню, кто это такая.

– Кроме тебя некому. Мне уже поздно ехать.

– Ничего, что у меня работа? Я не могу вот так всё бросить...

– Она, послезавтра, сказала? Собирайся, я возьму тебе билет.

Мать стояла непробиваемой стеной, настаивая, уговаривая, чуть ли не угрожая. Ольга сдалась.

Вечером, взяв отпуск и побросав в чемодан первое попавшееся, она села в поезд. Чтобы на следующее утро выйти на маленькой станции, за которой сразу же начинался лес.

Платформа была пуста, никто не встречал Ольгу. Забыли? Мама не дозвонилась, чтобы сказать о приезде? За спиной проводница хлопнула дверью вагона, и поезд тронулся – стоянка две минуты.

Ругаясь про себя и проклиная всех родственников, Ольга пошла к маленькому зданию вокзала. Чемодан, попадая колесиками в трещины старого асфальта, вздрагивал испуганным зверем.

Внутри было пусто. На кассе висела бумажка «отошла», а в зале ожидания было слышно, как басом гудит муха, наматывающая круги под потолком. Ольга села на металлическую лавочку и расплакалась.

– Эй, ты, что ли, приехала?

Перед ней появился белобрысый парень, похожий на одуванчик.

– Извини, задержался малёхо, надо было Петровича подбросить.

Не спрашивая, он взял чемодан и понёс к выходу. Там их ждал грязный по самую крышу джип. Парень кивнул Ольге на переднюю дверь, закинул багаж и уселся за руль.

– Долго ждала? Это хорошо, что ты приехала. Баба Настя каждый день о тебе спрашивает. Мы сейчас быстро, к обеду приедем...

Он говорил без остановки, не давая вставить даже слово. При этом успевал крутить руль, смотреть на дорогу и кидать на девушку смешливые взгляды. Ольга немного дулась на парня за опоздание, демонстративно молчала и смотрела в окно. А там проносились огромные вековые сосны, мелькали редкие березы, яркими всполохами горели цветы на обочине.

– Почти на месте. Добро пожаловать в Утренние Выселки.

Ольга ожидала увидеть деревеньку с покосившимися домишками. Но за поворотом открылся вид на вполне современный поселок: кирпичные коттеджи, чистые улочки, ажурные кованые заборчики, охраняющие вишнёвые сады.

– Известное дело, – словно угадав её мысли, хмыкнул водитель, – мы большое дело делаем. Считай, для половины страны.

Девушка поморщилась.

– Для целой половины? Всей деревней?

– Зря не веришь. Баба Настя тебе потом всё объяснит.

Машина остановилась около дома с голубым крыльцом. По небесному фону танцевали яркие, похожие на павлинов, петухи.

– Приехали.

Навстречу им уже спешила старушка. Сухонькая, сгорбленная, но подвижная, как ртуть, со смешливым лицом под платочком на седых кудрях.

– Олечка! – хозяйка накинулась на девушку, обняла, схва-

тила за руку и потянула в дом. — А я ждала, ждала, уж и не надеялась тебя увидеть. Разувайся, вот тебе тапочки. А Сашка чемодан сейчас принесёт, не беспокойся. Устала с дороги? Кушать, наверное, хочешь...

Знакомые по воспоминаниям ажурные салфетки приветливо махали уголками. Старинный буфет высился великаном. В углу, бегемотом в засаде, прятался древний сундук. И тут же, как модный внук, заехавший к бабушке, изгибался футуристическими формами столик с компьютером.

— Садись вот сюда. Как раз борща наварила. Нет, нет, даже не думай, сама управлюсь.

Ольга, ошарашенная и не сумевшая втиснуть в монолог старушки даже слово, сидела за столом. Оглядывалась по сторонам, узнавала давно забытые ощущения. И вдруг поняла: бойкая старушка — это и есть баба Настя. Живая, такая же бодрая как много лет назад. Совершенно не собирающаяся помирать.

— А вот и борщечок. Кушай, милая. Пампушечки бери. Чесночок.

Баба Настя погладила девушку по голове.

— Умница моя, приехала. Не ждала, думала, не решишься.

— Баб Насть, а зачем вы меня вызвали? Что-то случилось?

— Ты кушай, кушай, не отвлекайся.

Старушка села напротив и подперла голову рукой. Можно было подумать, что она любит есть, как Ольга ест.

— Мать ничего не говорила? Вижу, промолчала. Она же

наша, с Выселок, а в город уехала. За отцом твоим. Красавец был мужчина. Сама бы за таким побежала, да мне поздно было. Вот она вроде как и стыдится, что дело семейное оставила. Приезжает редко и помалу. А тебя отправила. Вместо себя как бы. Съела? Сейчас я тебе добавки подолью.

– Не надо...

Возражений баба Настя не приняла. Снова налила полную тарелку огненного борща, положила в центр горку сметаны, добавила на тарелочку пампушек с румяными бочками. Ольга вздохнула – прощай, фигура. Мысленно убрала на дальнюю полку джинсы, в которые влезла к лету, и взяла ложку. Сопротивляться местной кулинарной магии сил не было.

– Кто приехал!

В комнате появилась розовощекая тётя Маша в длинном сарафане.

– Сиди, кушай, Олечка. Вот так радость!

Следом появилась тоненькая девушка с яркими голубыми глазами. И еще одна женщина с девочкой. Родственницы всё прибывали и прибывали. Обнимали, целовали, улыбались, искренне радуясь. Заглядывали мужчины, кивали, подмигивали, чтобы тут же исчезнуть с женского праздника жизни. Ольгу накормили тортом, принесённым кем-то из женщин. До икоты напоили чаем из большого самовара. Выспросили все подробности про мать, отца, работу, молодого человека, с которым Ольга рассталась месяц назад.

– Баб Насть, – в комнату заглянул белобрысый Сашка, –

как просила, натопил.

Ольгу отвели в баню. Отмыли, распарили, облили ледяной водой, отхлестали веником, напоили квасом, смешно шибаящим в нос. Отвели обратно в дом и снова накормили. Уболтали до изнеможения. И, наконец, уложили спать. Но и словом ни обмолвились, зачем так настойчиво вызывали девушку сюда. Только многозначительно качали головами, обещая рассказать позже.

Заснула Ольга мгновенно, утонув под пуховым одеялом. Снилось ей что-то невнятное, наполненное радостью, криками петухов и солнцем. А ещё она несла на плечах коромысло. И в ведрах плескалась холодная чистая вода.

– Просыпайся, Олечка.

Баба Настя тихонько потрясла девушку за плечо. В комнате еще плескалась темнота ночи, только керосиновая лампа в руке старушки разгоняла мрак.

– А? Что случилось?

– Вставай. Ты же хотела узнать, зачем тебя позвали.

– Может, утром?

– Сейчас, Олечка. Вставай.

Старушка не отставала, и Ольге пришлось подняться.

– Вот это надевай.

Баба Настя подала ей белую рубаху, расшитую огненными петухами.

– А где моя одежда?

– Да я постирала. Поторопись, девонька, время уходит.

Поверх рубахи полагалось надеть сарафан.

– Идём, уже все ждут.

Они вышли во двор.

– Сюда.

Петляя между деревьями, они пересекли сад, прошли мимо темного пустыря огорода и вышли на околицу деревни. Там, возле колодца, их ждали другие женщины.

– А вот и Олечка, – тётя Маша засмеялась и обняла девушку. – Ну давайте уже.

Заскрипел ворот. Из темного зева поднялось тяжёлое полное ведро, с темнотой внутри. Баба Настя маленьким ковшиком зачерпывала из него и давала напиться всем женщинам. Ольга пригубила – вода была сладкой и очень холодной.

– Все напились? Тогда за работу.

Кто-то сунул в руки девушки коромысло и два пустых ведра. Вся толпа пришла в движение, перешёптываясь, двинулась в проход между кустами сирени.

– Не торопись, – тётя Маша придержала Ольгу за локоть, – поговорим по дороге. Ты не удивляйся. Просто смотри, что делают другие, повторяй, и всё. Первый раз непривычно, главное, не испугаться.

– Да что происходит-то? Хоть кто-то мне объяснит?

Женщина покачала головой.

– Сама увидишь. Расскажу ты не поверишь.

Идти долго не пришлось. Тропинка вывела их на утоптанную площадку над обрывом. Где-то далеко внизу слышался

тихий плеск реки. Другого берега, далекого и тёмного, видно почти не было.

– Смотри, – шепнула в самое ухо тётя Маша.

Одна из женщин подошла к самому краю. И самым обыденным, простым движением, зачерпнула ведром темноту над пропастью. Затем вторым ведром. Подцепила оба коромыслом, водрузила на плечи, лёгкой неспешной походкой двинулась обратно по тропинке.

Ольга замерла, не в силах даже вздохнуть. Ей не показалось. Это происходило на самом деле. Вот следующая женщина зачерпывает над обрывом, несёт в ведрах самую настоящую темноту. Слышно, как она плещется при каждом шаге. Ощущение мистории захлестнуло девушку.

– Твоя очередь.

Подойдя к пропасти, Ольга замешкалась. Ей вдруг стало стыдно и глупо. Может, они тут все с ума посходили? А она им подыгрывает.

– Давай же.

Ну и пусть. Один раз сделает, что от неё хотят. Это ведь не страшно. А утром, первым же поездом, уедет домой.

– Ну!

Она подняла ведро и махнула им над пустотой.

Мамочки!

Ведро стало тяжелым, будто и правда наполнилось водой. Ольга чуть не выронила его. С трудом поставила на землю. Взяла второе... И опять она зачерпнула из воздуха нечто.

Неуклюже взяв коромысло, чуть пошатываясь, Ольга пошла обратно. В ведрах плескалась темнота. Она старалась ступать осторожно, чтобы не расплескать ношу.

У колодца её ждали. Чьи-то руки помогли снять коромысло.

– Выливай скорее.

Она опрокинула ведро в распахнутую глотку колодца. Тьма, полная сияющих звёзд, полилась в чернильную глубину.

– Идём, надо торопиться.

Обалдевшая, ничего не понимающая Ольга вернулась к обрыву. И снова черпала темноту деревянным ведром, снова шла по тропинке, снова выливала...

С каждым кругом становилось всё светлей. Пока над далёким лесом не появился ослепительно яркий край солнца.

– Всё.

Баба Настя погладила Ольгу по плечу.

– Устала, с непривычки? Сейчас завтракать пойдем.

В доме их ждал белобрысый Сашка. Смешной, всклокоченный, в переднике, он жарил блины и с тревогой уставился на Ольгу. А затем вопросительно посмотрел на бабу Настю.

– Ну? Получилось?

– Ты не разговаривай, – притворно сердито заворчала старушка, – взялся завтрак делать, так делай. Устали мы. Чайник горячий?

Сашка обиженно засопел. Выставил на стол блины, вазоч-

ку с вареньем, чашки и молча скрылся.

– Ты ешь, – баба Настя улыбнулась, – а я пока расскажу.

Они шумно прихлебнула чай.

– Наша семья тут давно живет. Сколько себя помним. И по договору...

– С кем?

Старушка усмехнулась.

– Какая разница? Главное, договор заключён. Каждое утро мы вычерпываем ночь. Как сделали дело, так утро и наступило.

– А без вас не наступит?

Баба Настя вздохнула.

– Думаешь, из ума выжила старая? Нет, не наступит. Только и нам хорошо не будет. Сама понимаешь, договор требует. Было пару раз, в войну, задерживали рассвет. Для наступления вроде. Сам Берия к нам приезжал. Захочешь, потом грамоты покажу, маме моей выписаны, я тогда еще девочка была.

– Я вам зачем?

– Двенадцать нас должно быть, чтобы управиться. Мне уже совсем в тягость, а мать твоя в город уехала. На замену только ты годишься.

Старушка замолчала. Покрутила в руках чашку.

– Ты подумай. Не справимся без тебя. Если не захочешь – Сашка тебя в обед к поезду отвезет. Только ты, прежде чем решить, сходи. Загляни в Колодезь. Сразу всё и поймешь.

Дальше разговор не клеился. Ольга допила чай и пошла в свою комнату. От усталости ныли руки. Она легла на кровать и, сама не ожидая, заснула.

Проснувшись почти в полдень. На стуле её ждала выстиранная и выглаженная одежда. Ольга переоделась, с твердой уверенностью, что уедет немедленно, засунула вещи в чемодан. Вышла во двор в поисках хозяйки.

Не найдя бабу Настю, прошла по саду. И заплутав, набрела на колодец. Тот самый. Который старушка называла Колодезем.

Из темноты деревянного сруба тянуло прохладой и свежестью. Ольга взялась за ворот и, морщась от боли в мышцах, принялась крутить. Достала ведро, поставила на край сруба. И ахнула.

В темной воде, неспешные, как рыбы в аквариуме, плыли звезды. Маленькие и большие, с мохнатыми лучами, красные, белые, голубые, зеленые.

Не удержавшись, Ольга отпила глоток...

Хозяйка застала девушку на кухне. Ольга, напевая что-то, мыла посуду.

– Баб Насть, а мужчины, – девушка покраснела, – они почему нам не помогают?

Старушка хихикнула.

– Так им самое тяжёлое досталось. Они вечером из Колодезя обратно таскают. Мы-то под горку, а они наверх.

Вечером, сидя с бабой Настей на веранде, наблюдая закат

и дожидаясь Сашку, Ольга отправила матери эсэмэску.
«Я остаюсь».

Мама на час

Борька маялся бездельем, впрочем, как всегда в субботу. Листая странички в интернете, он наткнулся на рекламное объявление: «Мама на час. Профессионалы высочайшего класса организуют досуг вашего ребенка». Там было еще что-то, но Борька уже придумал хохму. Осталось только набрать номер.

– Мама на час, – отозвались на той стороне, – мы работаем, чтобы вы отдыхали.

– Добрый день, – Борька подавил желание заржать, – сколько будет стоить вызвать маму для мальчика?

– Сколько лет ребенку?

– Тридцать, – шутник не удержался и сдавленно хрюкнул.

– Очень хорошо, – не смутился голос, – мы работаем с любыми возрастами. Назовите ваш адрес.

Через час на пороге Борькиной квартиры стояла пожилая строгая женщина. За её спиной маячил накачанный бугай с кобурой под пиджаком.

– Мама на час, – женщина посмотрела на Борьку поверх очков, – вот договор на оказание услуг. Подпишите.

– А он тоже, – Борька ткнул в бугая, – мама?

– Наш сотрудник обеспечивает послушание для клиентов старше восемнадцати лет. Подписывайте.

Борька, не ожидавший подвоха, подписал. Женщина

спрятала бумаги и вошла. Бугай со скучающим видом шагнул следом.

– Ну здравствуй, Боренька.

Она потрепала его по щеке.

– Давай посмотрим, как ты живешь. А дядя Петя, – она кивнула на сопровождающего, – пока на кухне газетку почи-
тает.

Женщина бегло осмотрела квартиру и покачала головой.

– Какой же ты грязнуля, Боря. Бери пылесос, тряпку, сейчас будет генеральная уборка.

– Да ну, – Борька хотел возмутиться, но тут над ним навис «дядя Петя».

– Маму надо слушаться, – и дядя показал кулак размером с пудовую гирию.

Следующие два часа под руководством мамы Борька пылесосил, мыл полы, стирал, гладил, варил борщ и начищал туфли. Стоило ему возмутиться, тут же появлялся «дядя Петя», совал под нос договор и легким подзатыльником взмущивал дитятко.

– Ну, вот и всё, – «мама» улыбнулась, – наше время подошло к концу. Благодарим за использование наших услуг. Вот вам код на десятипроцентную скидку на следующий вызов.

Закрыв дверь, Борька выкинул бумажку со скидкой и завалился на диван. Так он не уставал даже после недели пахоты в офисе.

Проснувшись под вечер, он пошел на кухню. Вокруг было

чисто, и квартира совершенно не напоминала холостяцкую берлогу. Борщ, который он поначалу собирался вылить, оказался очень даже вкусный. А заштопанная дырка на носке радовала глаз.

Через час и три тарелки борща Борька полез в мусорку и достал флаер со скидкой. На следующих выходных Борька снова позвонил в «Маму на час».

Соглашение

– Добрый день!

За дверью стоял мужчина в черном костюме и алюминиевым кейсом в руке.

– Я ничего покупать не буду, – недовольно буркнула Даша и попыталась закрыть дверь.

– Нет, нет. Я ничего не продаю и не покупаю.

Мужчина сунул в проем кейс, не давая закрыть дверь.

– Я пришел за своим.

– Каким еще своим? Нет здесь ничего вашего!

Даша пыталась вытолкнуть кейс, но мужчина ловко толкнул девушку и вошел в квартиру.

– Есть, милочка. Давайте я покажу документы, и не будем доводить до скандала.

– Вы коллектор? По тому кредиту? Я завтра аванс получу и сразу выплачу. Честное слово!

– Нет, ваши долги меня совершенно не интересуют.

Гость достал папку с документами, вынул лист, пробежал глазами и сделал серьезное лицо.

– Итак. Вы Дарья Сергеевна Иванова. Неделию назад вы установили на свой компьютер типа ноутбук программу «Подбор макияжа». Верно?

– Ну и что?

– При первом запуске вам было предложено прочитать ли-

цензионное соглашение. Так?

– Она бесплатная!

– Условно-бесплатная, милочка, условно. Вы ведь внимательно прочитали соглашение? Нет? Зря, очень зря. Не обратили внимания, что указано в пункте четыре-один?

– Убирайтесь! Я уже удалила вашу дурацкую программу.

– Это не имеет значения. В пункте четыре-один написано: с момента начала работы приложения душа лица переходит в собственность Компании. Так что я пришел изъять выше-указанную душу.

– Нет!

Даша почувствовала, как в груди холодеет. Ноги отказывались держать. Она отшатнулась, уперлась спиной в стенку. Хотела бежать, но лишь медленно стала сползать на пол.

– В следующий раз внимательно читайте лицензионное соглашение. Впрочем, следующего раза у вас не будет.

– Это еще не точно, – в приоткрытую дверь просочился субъект в цветастой рубашке и с дредами на голове.

– Пшел отсюда! Сделка завершена.

– Милая Дарья, – веселенький типчик подскочил к девушке и поддержал за локоть, – наш «Хевен банк» с удовольствием предоставит вам кредит на ликвидацию этого нечестного, я бы даже сказал, мошеннического договора.

Даша только просипела, мотая головой.

– Вы согласны? Тогда подпишите вот здесь.

– Пошел вон! – не унимался мужчина в костюме. – Это

моя сделка!

Но Цветастый не обращал на него внимания.

– Держите ручку. Вот здесь. И вот тут. Всё. Сейчас вам станет легче. Вот, уже хорошо...

Даше и правда стало лучше. Стало легче дышать, ноги снова держали.

– Всё, – цветной повернулся к черному, – свободны. Девушка заключила контракт.

– Ха! Это мы еще посмотрим. Стоит ей хоть раз просрочить платёж... Я вернусь и тогда уж точно получу своё.

Мужчина, со злости стукнув кейсом о стену, вышел из квартиры. Цветастый довольно улыбнулся.

– Что, – Даша приходила в себя, – что я должна платить?

– О, вам будет несложно. Наша ипотека не тяжкая, и платежи наши легки.

Встряхнув дредами, банкир заглянул в глаза Даше.

– Держите договор. Там прочитаете всё подробно. А если кратко – не менее одного хорошего дела в день. И никаких злых.

– А что...

– Мы не даем рассрочку. Одна задержка, и мы отзовем средства. И он вернется.

Цветной потрепал Дашу по плечу.

– У вас получится. До свидания.

И прежде чем закрыть за собой дверь, добавил, грозя пальцем:

– И читайте лицензионное соглашение в следующий раз.

Весело трясая дредами, клерк банка «Хевен» вышел из подъезда. Там его уже поджидал мужчина в костюме.

– Кто разрешил вам лезть в наш бизнес?

– А вы думали, мы будем игнорировать новые методы?

Подождите, мы еще вас в сети прижучим.

– Не посмеете!

В глазах цветастого полыхнуло огнем. Поднялся ветер, раздув свободную цветастую рубашку за спиной, как крылья. Черный ощерился, показав острые зубы. Его всклокоченные темные волосы стали похожи на короткие рожки.

– Ух, я вас шаз!

Громкий возглас заставил мужчин обернуться. В нескольких шагах стояла гренадерского сложения пожилая женщина. Дворничиха тётя Шура.

– Дратся они вздумали. Сейчас как поперек спины врежу!

Она замахнулась метлой. Оба спорщика бросились наутек. В этот момент выглядящие как нашкодившие подростки, а не представители света и тьмы. А вслед им тётя Шура зычным голосом выкрикивала обидные слова. Но вернуться и возразить они не посмели.

Тайный коллайдер

Мало кто знает, но граф Калиостро не умер, заточенный в замке Сан-Лео. Великий мистик подкупил тюремщика, создав золото из камней, и бежал. Скрываясь от преследования, он уезжает в Россию. Здесь под именем Яков Вилимович Брусникин он двадцать лет ведет замкнутый образ жизни. В тайне занимаясь алхимией, Калиостро изобретает средство вечной молодости. Приняв этот эликсир, он вынужден часто менять места жительства, чтобы скрыть свою тайну.

К началу двадцатого века Калиостро разгадал большинство тайн алхимии и мистики. И только тайна любви не дается гуру мистики. В поисках ответа он знакомится с Ахматовой, внимает поэтессе, чувствует, но не может поймать ответ на великий вопрос. По миллиметру изучает картины Шагала и до хрипоты спорит с художником. Случай сводит Калиостро в поезде со Львом Ландау. Физик, больше для шутки, рассказывает хмурому попутчику о квантовой физике. Шутка удалась – Калиостро бросается на изучение науки в надежде найти разгадку с помощью передовых методов.

Когда изобретают коллайдер, Калиостро понимает – вот оно! Если можно столкнуть вещество для открытия новых частиц, то он должен столкнуть множество людей и поймать квант любви. Мистик устраивается в Метрострой, делает ка-

рьеру и предлагает построить кольцевую линию Московского метрополитена. Огромный человеческий коллайдер. Замысел великого алхимика будет осуществлен, и тысячи людей понесутся по кругу в туннелях под землей.

Говорят, до сих пор Калиостро сидит в секретной лаборатории где-то в подземельях Москвы. Вглядывается красными глазами в мониторы, ждет нужный момент. Секунду, когда двое в вагоне метро встретятся глазами. Когда пробежит невидимая искра. Ударит обоюдоострая молния в два сердца разом. Когда прозвучит беззвучно «Он!» и «Она!»...

Ждет мистик. Видит на экранах яркие вспышки. Стучит в раздражении рукой. Не в силах поймать самый загадочный квант вселенной – квант любви.

Танцы

– Господа, вынужден сообщить вам пренеприятнейшее известие.

Директор обвел собравшихся в кабинете грустным взглядом.

– На нас надвигается давно ожидаемая катастрофа. Через неделю восьмое марта.

– Да и пофиг, – отмахнулся Виталик, юрист и бухгалтер фирмы в одном лице.

– Э нет, – директор погрозил ему пальцем, – женщины старались, двадцать третье нам устраивали. Мы должны достойно ответить.

– Угу, – из угла отозвался водитель Михалыч, – их пятьдесят, а нас всего четверо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.